

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

носторонняя, а переписка В. М. Алексеева с одним из ведущих ученых Японии Исихама Дзюнтаро, в чем должны быть заинтересованы научные круги обеих стран.

Л. Н. Меньшиков

Vassilios Christides. Byzantine Libya and the March of the Arabs towards the West of North Africa. (British Archaeological Reports, International Series, 851): Hadrian Books, Oxford, 2000.

Василиос Кристидис, профессор Института греко-восточных и африканских исследований (Афины), известен как крупнейший специалист по истории морского дела в Византии и Арабском халифате, а также по истории Средиземноморья в целом. Он является автором большого количества статей и книг, посвященных позднеантичной и средневековой навигации в Средиземном и Красном морях, в Персидском заливе и Индийском океане, военно-морскому делу Византии и Арабского халифата, а также целому ряду смежных тем. Показателем признания авторитета проф. Кристидиса в вышеуказанных областях служит тот факт, что именно его перу принадлежит статья об арабском мореплавании в Энциклопедии ислама («*Milaha*», EI², VII, 1993), равно как и целый ряд других статей этого авторитетного издания («*Tarabulis*», «*Misr*», «*Uqba b. Nafi*» и др.).

Новая книга Василиоса Кристидиса посвящена одному из наиболее сложных для изучения периодов истории Средиземноморья — Северной Африке накануне и во время арабского завоевания. Специфика источников, включающих в себя, в частности, позднеантичные и византийские сочинения и арабские хроники, требует знания не только греческого языка и латыни, но и арабского языка, что является редким сочетанием. Глубокое понимание специфики столь различных пластов источников и их тщательный анализ позволили авто-

ру создать всестороннюю картину этого переломного периода в истории Средиземноморья. Завоевание Северной Африки арабами рассматривается в широком контексте доисламской — позднеантичной и византийской — Африки, а также в контексте истории Средиземноморья в целом, включая развитие мореплавания и торговли.

Первая глава книги состоит из двух частей, первая из которых посвящена геополитической ситуации в византийской Африке накануне арабского завоевания.

Позднеантичная Ливия рассматривается автором как особого рода единство, состоящее из трех самостоятельных регионов — Триполитании, Киренаики и Феццана, связанных между собой морскими и сухопутными караванными путями и, в определенной степени, политическими институтами Византийской империи и общим культурно-историческим контекстом. Автор подробно описывает физико-географические особенности региона (физическая география, климат, флора и фауна), демонстрируя прекрасное знание местности и региональной специфики. Далее рассматриваются вопросы расселения различных берберских племен и этносоциальный состав населения Северной Африки в целом. Особое внимание уделено различным аспектам взаимоотношений разных категорий населения региона: оседлого земледельческого населения и кочевников, местного берберского населения и пришлых греческих и римских колонистов, различных категорий населения Северной Африки и позднеантичной, а затем византийской администрации, социальные и религиозные конфликты в регионе и др.

Вторая часть первой главы подробно описывает главные города региона и связанные с ними районы Киренаики и Триполитании. Завершает главу подробнейший анализ морской торговли в Восточном Средиземноморье и ее роли в экономической и политической жизни региона в позднеантичный и византийский периоды. Здесь исследователь активно использует, в частности, такие сложные для исторического анализа и мало использовавшиеся предшественниками источники, как агиографические сочинения, которые дают богатую информа-

цию для изучения навигации в Средиземном море, торговых путей и внутренних связей в регионе. Все это позволяет создать более полную картину экономической и социальной жизни Средиземноморья в рассматриваемый период. В частности, автор показывает, что миф об экономическом упадке средиземноморских городов Северной Африки после V в. абсолютно несостоятелен. Более того, период, предшествовавший арабскому завоеванию, был золотым веком византийской морской торговли, основанной на Александрии, которая была связана тесными контактами как с Красным морем и Индийским океаном, так и с ливийскими портами и Грецией. Высокая интенсивность морских транспортировок грузов и пассажиров способствовала развитию морской торговли и денежного обращения, процветанию прибрежных городов византийской Африки и установлению тесных связей с другими центрами Средиземноморья, связей, не прерывавшихся даже в разгар военных действий между Византией и арабами.

Следует также отметить, что материалы этой главы могут быть использованы и за пределами данного исследования, поскольку информация о географии региона, этническом, социальном и религиозном составе населения и ливийских городах может служить в качестве справочника для любого исследователя Ливии и Восточного Средиземноморья.

Вторая глава посвящена арабскому завоеванию византийской Ливии и Магриба в целом. Она охватывает период с середины до конца VII в. — от первых рейдов Ама б. Аса и Абдаллаха б. Са'да до установления постоянных поселений и начала планомерного завоевания региона при Абу-л-Махаджире и 'Укбе б. Нафи', которое было завершено в конце VII в. Хасаном б. Ну'маном и его преемником Мусой б. Нусайром, дошедшим до Гибралтара и захватившим в 709—710 гг. последний византийский оплот в Африке — г. Сеуту.

Третья глава посвящена военному делу византийцев и арабов в VII в. В первой части главы рассматриваются особенности вооружения, военной тактики и организации армий двух противоборствующих сторон и их конкретное применение во время военных действий в

Северной Африке. Во второй части этой главы главное внимание уделено арабскому освоению Магриба и взаимоотношению завоевателей с местным населением. Автор аргументированно доказывает преемственность городской и хозяйственной жизни региона и основных урбанистических центров. Упадок некоторых древних городов и возвышение новых центров, таких как Кайраван, происходили постепенно на протяжении 2-й половины VII—VIII вв. и не носили характера стихийного бедствия, вызванного арабским завоеванием. Большая часть собственно византийского и часть византизированной населения Северной Африки после арабского завоевания покинули родные места и переселились в европейскую часть Византии, однако оставшаяся — весьма значительная — часть городского и сельскохозяйственного населения византийской Африки мирно интегрировалась в арабское государство, складывавшееся на завоеванной территории, обеспечив культурную преемственность в регионе. В частности, автор справедливо указывает, что целый ряд характерных черт древних североафриканских религиозных традиций, описанных впервые еще Геродотом, — таких как почитание могил «святых» и культ «мученичества» — нашли свое отражение и в христианский период (для донатистской ереси, распространенной в Северной Африке, было особенно характерно стремление к мученической кончине), и во времена распространения ислама, когда Северная Африка стала одним из центров хариджизма, а также в последующий, исламский, период, дожив вплоть до нового времени.

Особо следует отметить, что при анализе периода арабского завоевания Северной Африки автор сумел найти разумный компромисс между позитивистским принятием на веру информации арабских источников, написанных значительно позже событий и нередко содержащих полуполюгендарные сведения, и гиперкритическим отношением к ним, свойственным, например, таким известным исследователям этого периода, как Патрисия Кроун, едва ли не полностью отрицающая историческую ценность информации ранних арабских хроник. Сопоставление арабских и византийских

источников с данными эпиграфики и археологии, а также учет общенсторического контекста рассматриваемых событий позволили автору нарисовать достаточно подробную непротиворечивую картину войны в Северной Африке, завершившейся полным изгнанием византийцев и установлением частичного контроля над берберскими племенами за пределами собственно византийской прибрежной урбанизированной полосы Магриба. Война с Византией за Северную Африку рассматривается исследователем в широком контексте завоевательных походов арабов и внутренней ситуации в Византийской империи, которая в конечном итоге и определила результат этой борьбы — в большей степени, чем даже усилия арабских полководцев.

Парадоксально, но одним из решающих факторов в победе арабов, как показывает автор, было как раз господство Византии на море, что в сочетании с чисто «оборонительной доктриной» сыграло отрицательную роль в защите североафриканских владений. С одной стороны, сильный флот давал византийцам возможность наносить неожиданные удары в различных точках побережья, легко отвоевывая потерянные ранее города. С другой — это позволяло в нужный момент эвакуировать любой из прибрежных укрепленных центров. В результате город, еще способный оказывать сопротивление и надолго остановить продвижение арабской армии, сдавался после непродолжительной осады, а византийские войска и значительная часть византийского городского населения покидали его вместе с флотом, отступая сначала к западу, а затем эвакуируясь в европейскую часть империи. В конечном итоге воля к сопротивлению у византийской стороны оказалась полностью парализованной, что в сочетании с успешными действиями арабов на суше и последующим созданием собственного флота привело к тому, что арабское завоевание византийской Африки прошло практически безболезненно.

Иная ситуация сложилась в отношениях с кочевыми и полукочевыми берберскими племенами внутренней части Северной Африки, оказавшими гораздо более серьезное сопротивление продвижению арабов.

Книгу завершают два приложения. В первом из них анализируются основные источники по истории периода (арабские, сирийские христианские, коптские, византийские, латинские), во втором подробно рассматриваются особенности византийского флота и создание арабского флота в период завоевания Северной Африки, а также мореплавание в Средиземном море в этот период.

Кроме того, книга снабжена подробной библиографией, картами и большим иллюстративным материалом (главным образом репродукции мозаик на византийских виллах в Ливии и Тунисе), отображающих хозяйственную жизнь и военное дело в византийской Африке и последующий период.

Книга Василиоса Кристидиса поднимает много важных вопросов истории Североафриканского региона и Средиземноморья в целом и подводит итог целому ряду научных дискуссий.

На одном из многочисленных вопросов, рассмотренных автором, я хотел бы, однако, остановиться более подробно, поскольку по своему значению он выходит далеко за рамки данной работы и важен для изучения исторического процесса в целом. Речь идет о взаимоотношениях римско-византийской Северной Африки и «метрополии», а также пришлого и местного населения («колонистов» и «колонизируемых») в регионе. В своей книге В. Кристидис подводит итог многолетней дискуссии о взаимоотношении «колоний» и «метрополии» в позднеримскую и византийскую эпохи. Он убедительно показывает всю неправомерность описания взаимоотношений позднего Рима и Византии со своими североафриканскими владениями в современных терминах «империализма» и «колониализма». Следы подобной модернизации и евроцентризма характерны для целого ряда исследователей, которые, находясь под влиянием современных стереотипов сознания, воспринимают совершенно иное историческое явление как аналогичное колониальной политике Британской империи или США в новое и новейшее время.

Более тщательное исследование реальной исторической ситуации показывает, однако, что позднеримские «колонии» и их население вовсе не были

объектом беззастенчивой эксплуатации со стороны «метрополии» и «колонистов». Ни о каком специфическом «выкачивании ресурсов» говорить нет основания, источники указывают лишь на существование обычного торгового обмена между регионами. Невозможно говорить и об «ущемлении прав» местного населения, поскольку права и социальный статус того или иного члена общества определялись фактически его имущественным положением, а после официального дарования гражданства всем свободным жителям Римской империи в 212 г. (*Constitutio Antoniniana*) разница в происхождении и вовсе отошла на задний план. Реальный этнический состав населения и, в частности, привилегированного сословия, определялся местной спецификой в каждом конкретном случае. Так, в бывших карфагенских областях и далее к западу среди господствующего сословия наряду с представителями местной землевладельческой знати и городского патрициата важную роль играл римский, италийский, элемент, что нашло свое выражение, в частности, в преобладании латинского языка, использовавшегося наряду с местными наречиями, причем подобная ситуация сохранилась и после вандалского завоевания. Для Триполитании наряду с берберским и романоязычным населением важную роль играл греческий элемент, в Киренаике он уже был преобладающим — так же, как в соседнем Египте и других ближневосточных владениях Римской империи (связи Киренаики с Грецией и Египтом были зачастую даже более интенсивными, чем с Триполитанией).

В целом, начиная уже со II в., в прибрежных земледельческих областях Северной Африки преобладало смешанное население — берберо-италийское на западе и берберо-греческое на востоке, составлявшее большинство городского населения и класса землевладельцев. Из них же формировались городские магистраты. Причем на протяжении византийского времени роль местного берберского элемента постепенно усиливалась. Лишь небольшая часть позднеримской и византийской администрации прибывала непосредственно из центра (некоторое увеличение доли греческого элемента в Северной Африке наблюда-

ется после отвоевания Карфагена у вандалов — за счет новой византийской администрации и грекоязычных воинских контингентов). Что же касается обязательности знания латинского и/или греческого языка (в зависимости от региона) для участия в муниципальных органах власти и для получения должности в администрации, то это было вовсе не элементом «дискриминации» местного населения, как это представлялось некоторым склонным к модернизации исследователям, а являлось всего лишь необходимым условием для ведения делопроизводства, унифицированного на базе латинского/греческого языка во всех областях империи (следует отметить, что многие надписи, составленные городскими властями византийской Африки, были двуязычными — на греческом и латинском языках). Считать это условие признаком «дискриминации» столь же нелепо, как и требование наличия грамотности для получения должности в административном аппарате любого государства.

Автор убедительно доказывает, что взаимодействие пришлых колонистов и местного берберского (а также старого финикийского) населения проходило исключительно мирно и характеризует этот процесс как «интеграцию» и «аккультурацию», сопровождавшуюся внедрением более высоких технологий, распространением греческого языка как средства межъязыкового общения, поверхностной эллинизацией, а затем и христианизацией населения. Процесс этот, однако, проходил естественным путем — ни о какой принудительной «романизации» населения в позднеримскую и византийскую эпохи говорить не приходится, тем более что большая часть местного населения сохраняла свои традиции и культуру, лишь незначительно затронутые греко-римским влиянием.

Водораздел проходил не по линии «коренное» — «пришное» население (или «колонизируемые» — «колонизаторы»), а по типу хозяйства. Имевшие место в Северной Африке столкновения представляли собой вовсе не национально-освободительную борьбу с «оккупантами», как это пытались представить некоторые современные исследователи, а типичные для подобных пограничных регионов столкновения оседлого (бербер-

ского и берберо-греческого/берберо-романского) населения с кочевыми берберскими племенами. Последние, действительно, нередко совершали набеги на своих оседлых соседей: степень «симбиоза» оседлых и земледельцев Северной Африки была не столь высока, чтобы обеспечить их мирное сосуществование. Так что одной из главных задач империи была защита урбанизированных и сельскохозяйственных прибрежных регионов от вторжения кочевников из внутренних областей Северной Африки. С ними заключались «союзные договоры» в духе традиционной римской и византийской дипломатии, раздавались различные почетные титулы и подарки. В целом, эта политика была достаточно эффективной, хотя случались и периоды, когда кочевые племена полностью выходили из-под контроля имперских властей и совершали опустошительные набеги, приводившие к серьезному ущербу для сельского хозяйства региона и городской жизни (например, разрушительные набеги племенного союза *лавата* в IV в.).

Социальная стратификация североафриканского общества принципиально не отличалась от других областей Византийской империи, это же относится и к системе налогообложения. «Византийская армия, — пишет В. Кристидис, — вовсе не была оккупационной силой, между солдатами и офицерами и местным населением существовали тесные связи. Ветераны африканского происхождения активно участвовали в муниципальной жизни и часто после ухода в отставку поселялись в своих родных городах». Религиозная ситуация отражала ту же тенденцию к интеграции этих областей в состав империи — при всем сохранении местной специфики и национальных особенностей. Так, ереси, главным образом *донатизм*, получивший особенно широкое распространение в Африке (в IV в. из 700 епископств Северной Африки лишь половина была православной, остальные принадлежали к донатистам), были вовсе не формой протеста и средством для отделения от Византии, а воспринимались в контексте церковной жизни империи в целом. Жители Северной Африки принимали активное участие в религиозных спорах, которые велись в

этот период в Средиземноморье. Пример Блаженного Августина — вовсе не исключение, а, скорее, правило, прекрасно отражающее общую ситуацию. «Жители ранней Византийской империи, — пишет В. Кристидис, — говорили на разных языках и относились к различным религиозным общинам (православные, несториане, монофизиты, монофелиты), но у них не было четкого понятия о своей этнической идентификации. В действительности, основой самоидентификации они считали свою религиозную принадлежность» (с. 41).

Автор убедительно показывает, что «позднеримская и византийская Африка была вовсе не "колонией", эксплуатируемой "метрополией", а одной из византийских провинций, управлявшейся как и любая другая европейская провинция империи, разумеется, с администрацией приспособленной к местным особенностям и нуждам» (с. 11). Это было продолжением еще римской имперской политики, когда, например, уроженец Лептиса Магны в Триполитании Септимий Север мог стать императором и даже основателем императорской династии Северов. Аналогично, уже в византийское время, отец будущего императора Ираклия, опираясь на население и армию византийской Африки, сумел победить в борьбе за власть с императором Фокой, причем император Ираклий (610—641) даже планировал перенести столицу из Константинополя в Карфаген.

Выводы проф. Кристидиса в очередной раз подчеркивают непродуктивность евроцентристского подхода к изучению истории в целом и переноса особенностей аномального западноевропейского развития, в силу целого ряда специфических исторических причин породившего современный капитализм и колониализм, на развитие иных, «традиционных», регионов. Ситуация в провинциях Римской и Византийской империи была принципиально иной, чем в западноевропейских колониях. Это же справедливо и в отношении областей, завоеванных позднее арабами, и для истории многих других «традиционных» империй, включая и Российскую (а затем Советскую), где взаимоотношения центра и периферии — при всей местной специфике — также строились не

столько на основе «эксплуатации» и «выкачивания ресурсов», как это было свойственно европейскому империализму в своих колониальных владениях, сколько на базе сложной и постепенной интеграции регионов и региональной элиты и местного населения в целом в состав единого имперского организма.

Таким образом, новая книга Василиоса Кристидиса не только создает ши-

рокую картину одного из сложнейших, переломных периодов в истории Северной Африки, но дает пищу для размышления и материал для сопоставления востоковедам, историкам и социологам, занимающимся как историей Средиземноморья, так и иными вопросами всемирной истории.

А. Матвеев